

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели! Вашему вниманию в рамках нашего раздела предлагается новая рубрика. В ней мы обратимся к русской литературе и ее богатому языку, напомним самые интересные «сюжеты» и фрагменты известных произведений. Ведь порой необходимо не столько прочитать то или иное произведение, сколько подобрать к нему ключ, чтобы понять прочитанное. Даже познать и умом, и сердцем!

А ведь и само чтение — это прикосновение к родникам — ключам — студеного, чистого и звенящего таинственной перво-зданной тишиной Слова, которое было еще в самом-самом начале бытия нашего...

Это будет путешествие в мир великих творений! Нам предстоит увлекательное странствие по древу языка и литературы, укорененному в простых и загадочных формулах, простирающихся вглубь времен.

Сегодня встреча вторая.

*Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей*

А. С. Пушкин.
Руслан и Людмила

Дорогие друзья, я снова хочу предложить вам возвратиться в мир неведомого, чудесного, которое завещала нам русская словесность. Сегодня мы вспомним поэму-сказку А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», произведение, кажется, хрестоматийное, но от этого не менее сложное. С одной стороны, эту вещь изучают в пятых классах, с другой — в ней столько мудрого и непонятого, что даже в научной среде до сих пор ведутся споры.

Поэма зачинается **Песнью первой**, вступлением, которое всем хорошо известно и которое все учат еще на школьной скамье. Все мы помним «У лукоморья дуб зеленый», но одно дело знать, а другое — понимать. Вот, кажется, что в этом вступлении ничего такого и нет: для детского мышления эти сказочные образы являются как

бы сами собой разумеющимися, должными; для взрослого — привычными, клише, если хотите, но уже с позиций жанра, уже самой сказочной действительности. Но все ли так просто? Детям не объясняют, а взрослому человеку уже и не надобно. Однако стоило б задуматься, например, над тем, отчего все действие начинается с **неведомых дорожек** и **невиданных зверей**...

В русском фольклоре существуют формулы поиска идеального, запредельного. Языковой материал является подтверждением этому: «иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что». И в этом сокрыта не глупость или «растяпство» русского человека, а выражен характер **умного дурака**, стремящегося вырваться из пределов быта, посредственного, мещанского мышления. Отсюда и **неведомые дорожки** и **невиданные звери** — те,

которых герой еще не ведает, не видит, но обязательно узнает. И в этом-то узнавании, риске, поиске «инога царства» заложен успех преодоления себя обычного. Напомним здесь еще раз о темной речи девы Февронии, о ее загадках, адресованных Петру (см. статью в первом номере), — в этом заключается не бытовое, а надмирное, метафизическое, что сокрыто от любого. Пушкин, обращаясь именно к таким образам, взятым из русского фольклора, задает особый тон всему повествованию. Автор настраивает читателя не только на плоскостное восприятие мира и художественной действительности, но и на вертикальное; заставляет подумать и пройти испытания вместе с героями поэмы. Случайно ли то, что Людмила попадает в пленительный предел?

И наша дева очутилась
В саду. Пленительный предел:
Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь Тавриды.

Кроме того, в этом фрагменте дано культурно точное сравнение пленительного предела с брегами Тавриды, которые появятся уже в архетипическом значении в известном послании к П. Я. Чаадаеву (предположительно от 1825 г.):

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымилась жертвоприношенья;

Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла...

В «Руслане и Людмиле» речь идет, конечно, не о князе Г. А. Потемкине, а в первую очередь о земле Таврии, на которой, по мифу, располагался храм Артемиды, где жрицей была Ифигения: «Ифигения, которая, как известно, была спасена с жертвенника в Авлиде Артемидой, окутана облаком и перенесена в Херсонес Таврический, сразу стала там верховной жрицей, и лишь ей одной позволялось прикасаться к священной статуе» (Р. Грейвс. Мифы). Молодой поэт как бы художественно выразил свои впечатления, полученные от увиденного «грозного храма» Дианы. Руслан должен отыскать этот предел, *неведомую землю*, чтобы выручить вещую невесту. Заветом же ему является также преодоление *себя самого*: верный меч и сердце, противопоставленные мировой полночи:

Иди на все, не унывай;
Вперед! мечом и грудью смелой
Свой путь *на полночь пробивай*.

Вероятно, что все эти детали, воспринимаемые нами как данность или даже некая сказочная условность, важны для понимания ритуального, скрытого кода и рисунка поэмы-сказки, начинающейся на неведомых дорожках и корящейся в «преданьях старины глубокой».